

Данилова Ю. Ю. Этнолингвокультурная (само)идентификация немецких колонистов в России второй половины XIX века: на материале журнала «Русский вестник» / Ю. Ю. Данилова, Г. А. Шевелина // Научный диалог. — 2017. — № 12. — С. 102—112. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-102-112.

Danilova, Yu. Yu., Shevelina, G. A. (2017). Ethno-Cultural (Self-)identity of German Colonists in Russia in the Second Half of the 19th Century: on Material of “Russkiy Vestnik” Magazine. *Nauchnyy dialog*, 12: 102-112. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-102-112. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 81'27:316.344.8+81:39:94(47)“19”

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-102-112

Этнолингвокультурная (само)идентификация немецких колонистов в России второй половины XIX века: на материале журнала «Русский вестник»¹

© Данилова Юлия Юрьевна (2017), orcid.org/0000-0003-0004-5885, кандидат филологических наук доцент кафедры русского языка и литературы, Елабужский институт ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Елабуга, Россия), danilovaespu@mail.ru.

© Шевелина Галина Александровна (2017), студент 5 курса факультета филологии и истории, Елабужский институт ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Елабуга, Россия), shevelina.galina@mail.ru.

Выявляются условия (экстралингвистические и, как следствие, языковые) и способы формирования самобытной этнолингвокультуры «русских / российских» немцев. Авторы считают, что она состоит из отличных друг от друга «культуры принимающей стороны» и «домашней культуры» и возникает посредством культурного обмена и «вхождения» в русскоязычное окружение. Предпосылкой к постановке вопроса является особая оценка двуязычности и бикультурности, не сводимая к расцениванию их в качестве «лингвокультурного ареала» титульной нации, которая поставлена в условия, вынуждающие интегрироваться. Источником информации послужили тексты специальных статей (а также небольшие заметки, замечания) историков, чиновников, ревизоров, публицистов, писателей и т. д. о жизнедеятельности немецких колонистов в России, опубликованные на страницах русского литературного и общественно-политического журнала второй половины XIX века «Русский вестник». Тексты затрагивают такие явления, как быт, образование, манера одеваться, пищевая и рабочая культура, особенности проведения праздников, сохранение из-

1 Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 15-04-00011а «Язык и культура русских немцев в миграции: проблемы самопрезентации и самоидентификации».

начальных традиций родной страны после переезда. Анализ журнального дискурса имеет целью охарактеризовать степень устойчивости традиций при смене культурно-языковой среды (приобретенный опыт на «старой» Родине и его перенос в «новое» место существования), доминанту этнолингвокультурной комбинации личности и тип диаспор («капсульный» и/или «открытый») «русских немцев» России XIX века.

Ключевые слова: русские немцы; немецкие колонии России II половины XIX века; миграция; этнолингвокультура; доминанта этнолингвокультурной комбинации; «капсульное» пространство диаспоры; открытое пространство диаспоры.

1. Введение: Екатерина II, немцы, миграция

В данной статье особое внимание уделяется проблемам (само)идентификации и (само)презентации «русских» немцев (о специфике этнонима *российские / русские немцы* мы писали ранее; см. [Данилова и др., 2016]) при смене лингвокультурного ареала нации в результате миграционных процессов. Очевидно, что миграция (и естественная, и вынужденная) обусловлена политическими, экономическими, социальными, религиозными и другими причинами. Относительно «немецкого вопроса» в истории России отметим, что активный процесс становления и развития немецких колоний приходится на время правления Екатерины II. Причиной стали, с одной стороны, гео- и социокультурная ситуация, сложившаяся в России и чрезвычайно благоприятная для массовой миграции иностранцев, — острая необходимость освоения богатейших пространств страны; с другой — особая социокультурная ситуация в Германии, которая в этот период отставала в своем развитии, что способствовало иммиграции немцев в Россию [Шевелина, 2016]. Несомненно, импульсом были два манифеста Екатерины II о вызове иностранцев, особенно значимым из которых признается манифест 1763 года [Манифест, 1830, с. 313—316].

Последствия миграционных процессов неоднозначны. Они могут приводить (в большей или меньшей степени) к изменению социально-психологических характеристик человека, расширению его кругозора, накоплению знаний о различных областях жизни, обмену трудовыми навыками и социальным опытом, развитию личности, ее материальных, социальных и духовных потребностей, способствовать интеграции национальных лингвокультур, со временем порождать острые социальные проблемы, обусловленные языковыми процессами, образованием, организацией труда, жильем и др. Всё это, в конечном счете, может привести к нарушению / изменению уникального этнолингвокультурного кода нации, что мы можем наблюдать на примере современных российских немцев, чьи предки некогда прибыли (в частности, по приглашению Екатерины) искать счастья на русской земле: сегодня это самостоятельная этнолингвокультура, самобытность которой обусловлена синтезом отличных друг от друга «культу-

ры принимающей стороны» и «домашней культуры», культурным обменом и «вхождением» в русскоязычное окружение.

В своей работе мы предпринимаем попытку «собрать» воедино штрихи к портрету немецкого колониста (в первом или, максимум, во втором, поколении) посредством анализа этнолингвокультурных маркеров, обнаруженных нами на страницах литературного и общественно-политического журнала XIX века «Русский вестник» с целью определить степень устойчивости традиций при только что произошедшей смене лингвокультурного ареала, доминанту этнолингвокультурной комбинации и лингвокогнитивный тип («капсульный» и / или «открытый») «русского» немца России XIX века.

2. Источники информации: статьи, путевые заметки, воспоминания

Методом сплошной выборки нами было извлечено и проанализировано 30 статей, объем которых в совокупности составил 428 (книжных) страниц текста. По жанровой характеристике это статьи, путевые заметки, просто заметки историков, чиновников, путешественников, ревизоров, публицистов и других лиц, которые по роду своей деятельности (например, начальник путей сообщения, заместитель министра иностранных дел, адвокат и др.) побывали в немецких колониях Поволжья, а также Северного Причерноморья. В своих статьях авторы предпринимали попытки описания причин миграции, социально-политических, культурных и других особенностей жизни и быта немцев в России XIX века, а также, как правило, попутно их внешних характеристик, реже — психоэмоционального состояния, особенностей коммуникации. Особенно значимы в этом плане работы А. А. Велицына, Д. В. Цветаева, С. Ф. Шарапова [Велицын, 1890; Цветаев, 1886; Шарапов, 1895]. Однако справедливости ради отметим, что в них не дается исчерпывающей информации, поскольку авторы данных статей не ставили перед собой задачу воссоздать целостный стереотипный образ немецких колонистов России XIX века. Поэтому в качестве дополнительного источника информации нами были использованы материалы автобиографической книги Саратовского колониста XIX века Якова Дитца «История поволжских немцев-колонистов» [Дитц, 1997].

3. Штрихи к «портрету» немецкого колониста России XIX века: этнолингвокультурные маркеры

В результате обработки эмпирического материала нами были систематизированы данные о 12 «виртуальных» респондентах, а также выявлены этнолингвокультурные маркеры, их характеризующие. Отметим, что

в контексте данного исследования определение «виртуальный» условное, поскольку им мы идентифицируем респондента, данные о котором представлены на страницах журнала, провести с ним интервью / анкетирование (по понятным причинам) не представляется возможным. Среди таковых преобладают лица мужского пола — 11, в их числе 1 мужчина преклонного возраста и 1 ребенок. В процессе анализа собранной информации нами были выделены следующие черты, позволяющие восстановить идентификационный этнолингвокультурный код немецкого колониста: личные данные (пол, возраст, образование, семейное положение и др.); внешность (антропометрические данные, одежда, обувь); внутренние характеристики (характер, эмоции); вероисповедание на момент миграции и на момент написания источника; политические взгляды; особенности быта (внешнее и внутреннее убранство дома, наружный вид и инфраструктура колоний, домашние занятия и др.), коммуникативная компетенция (степень владения русским языком).

3.1. В качестве маркеров этнической (само)идентификации выбраны внешние и внутренние характеристики колониста, который, согласно данным свидетелей, *высок ростом, худощав, блондин* [Велицын, 1890, с. 148—149], имеет *лицо свежее, зубы белые, усы и бороду бреет, волосы расчесывает прямым пробором, обстригая в скобку* [Дитц, 1997, с. 379—378]. Очевидно, что такая внешность соответствует европейскому, а в частности немецкому, типу внешности.

Отметим, что в процессе обработки материала были обнаружены все предполагаемые маркеры этнической (само)идентификации, они составили самую информационно многочисленную группу и позволили практически детально восстановить визуальный образ немецкого колониста России XIX века: *В течение почти столетия пребывания в России колонисты придерживались привезенного из Германии национального костюма. Мужчины носили рубашку с отложным воротником из белого полотна, короткий жилет с металлическими пуговицами и синий суконный полукафтан* [Дитц, 1997, с. 381]. Летом в дождливую погоду надевали непромокаемый плащ [Шарапов, 1895]. Зимний костюм дополнялся *овечьей дубленой шубой* [Дитц, 1997, с. 381]. Женский костюм состоял из *грубого бархатного корсажа, рубашки на выпуск, пестрой юбки, толстых вязаных чулок* [Велицын, 1890, с. 147], *душегрейки без рукавов. Костюм довершал длинный белый бумажный фартук, который в праздничные дни заменялся длинным кисейным с большими цветами* [Дитц, 1997, с. 381].

Женщины на ногах носили *туфли с деревянными подошвами без задков*; мужчины — *высокие сапоги* [Велицын, 1890, с. 148—150]. Мужской

головной убор летом состоял из черной шляпы, а зимой из ватной шапки на мерлушке или сукне [Дитц, 1997, с. 381]. Голова женщины прикрывалась вязаным чепцом, который завязывался у молодых женщин под прической, у старых — под подбородком. Летом, во время полевых работ, женщины надевали широкополую соломенную шляпу с остроконечной тульей. Зимой на голову надевалась теплая шаль [Дитц, 1997, с. 381]. Из аксессуаров встретились следующие: у женщин на голове была черная наколка, перевязанная лентой под подбородком [Велицын, 1890, с. 146], плотно на шее привязывался шнур белых или желтых бус, которые колонисты называли кораллами [Дитц, 1997, с. 379—380]. В описании внешности мужчин в книге Я. Дитца встречается упоминание черного галстука [Дитц, 1997].

Что касается информации относительно личностных и внутренних качеств колонистов, то она на страницах «Русского вестника» нами не была обнаружена. Поэтому в качестве дополнительного источника информации выступили воспоминания колонистов, которые помогают восстановить «внутренний портрет» «русского» немца: *Они трудолюбивы, чистоплотны, аккуратны, лояльны, дружны и честны. В делах чести колонисты крайне щепетильны; обвинить колониста в бесчестном поступке значит вызвать к себе вечную вражду его: колонист никогда не затеет спора или драки, но зато никогда не снесет обиды его действием. Колонисты покорны старшим и начальству. Все распоряжения начальства, хотя бы и незаконные, исполняются колонистами беспрекословно; подати и повинности вносятся бездоимочно даже в неурожайные годы* [Дитц, 1997, с. 379—385]. Представленные внутренние характеристики актуальны и соответствуют современному стереотипному образу немца. Данный вывод подтверждается результатами специального диссертационного исследования Е. Е. Коптяковой «Образ Германии в российской и американской медиа-картинах мира: стереотипы и метафоры», где автор отмечает, что к числу общих гетеростереотипных представлений о немцах можно отнести следующие: немцы «трудолюбивы», «практичны», «серьезны, дисциплинированы, аккуратны» [Коптякова, 2009].

Таким образом, маркеры этнической (само)идентификации свидетельствуют о том, что «русский» немец на период XIX века представляет собой тип германской нации. Характеристики ее представителей подробно представлены в авторитетном издании «Русский ассоциативный словарь» Ю. Н. Караулова, где на слово-стимул «немец» в качестве частотных приводятся реакции «аккуратный», «чистоплотный», «интеллигентный», «педант», «пунктуальный», «светлый» [Русский, 2002].

3.2. В качестве маркеров культурной (само)идентификации были выбраны вероисповедание, политические взгляды, особенности быта, традиции и обычаи колонистов. Отметим, на страницах «Русского вестника» не были обнаружены описания некоторых особенностей быта, в частности — сельскохозяйственных орудий труда и инфраструктуры колонии.

Вероисповедание колонистов мы рассматривали с двух позиций: на момент миграции и на момент написания источника, поскольку возможно, что в процессе жизнедеятельности колониста в России вероисповедание могло поменяться, причем как добровольно, так и без его согласия. Нам удалось встретить одно замечание подобного характера: *Православный, но про веру свою, что он лютеранской веры, не сказывал, веру немецкую держал у себя втайне, сыскать о ней не через кого, старые иноземцы побиты. При этом ходил в церкви, слушал церковное пение, прикладывался к Евангелию и Кресту; во время болезни его исповедал русский священник* [Цветаев, 1886, с. 545]. Еще у 4 виртуальных респондентов известно религиозное предпочтение, они исповедовали лютеранство [Цветаев, 1886, с. 545]. Так, колонисты в России сохраняли свою родовую, национальную религию. При этом важно заметить, что, каким бы вероисповедание не было внешне, внутренне немцы-колонисты оставались верны своим этническим корням.

Что касается описаний жизнедеятельности, труда и особенностей быта, на страницах указанных источников, находим: *Большая часть жизни протекает в продолжительной и тяжелой сельскохозяйственной работе* [Дитц, 1997, с. 379—385]; *Сеют пшеницу, ячмень, кукурузу* [Шарапов, 1895, с. 67].

По наружному виду колония отличается от русского села, но мало напоминает и село в Германии. Для сравнения и наглядности приведем описания типичных русских поселений и собственно немецких: *Сельские избы (в русском селе. — Прим. авт.) располагались в хаотичном порядке, на тот период улиц не было. Избы крылись соломой, крыши из железа могли позволить себе богатые землевладельцы. Для отопления и приготовления пищи использовалась печка. Изба топилась по-черному. Дым выходил через открытые окна и двери. У бедных людей избы были черными и поземными, т. е. установленные прямо на земле. Кроме печи в избе располагались лавки вдоль стен, в центре — обеденный стол. Неотъемлемым элементом избы считались сундуки (для одежды и утвари). Окна у черной избы располагались почти под потолком, рам не имели. У богатых людей избы белые — с дымоходом* [Русское национальное жилище ...]; для немецких сел

была характерна каркасная строительная техника, местами, на юге — срубная. В крестьянских домах под одной крышей размещались и хранилище — мастерская для ремонта сельскохозяйственных орудий, и стояла, и жилые помещения: кухня, спальни, столовая и гостиная. На всём лежит печать рачительного хозяина и стремление создать в этой обстановке жилищный комфорт. Здесь и изразцовые печи, и камин, и двухэтажные «спальные шкафы»: днём комната служила гостиной, а ночью — спальней. На нижнем этаже спали дети, на верхнем — родители [Экскурсии по Нижней Саксонии ...].

Один из авторов статей «Русского вестника», известный публицист XIX века А. А. Велицын, сообщает: *Через всю колонию идут широкие улицы, обсаженные в 2 ряда густыми деревьями; Дома были одноэтажные, маленькие, каменные, с зелеными ставнями, расположены симметрично и построены по одному образцу. Перед домами были заборчики, а перед сениями дома — ступенчатое крыльцо. Такой дом стал впоследствии шаблоном для колонистов* [Велицын, 1890, с. 14—148]. Внешний вид колоний характеризует их жителей как аккуратных, рачительных, трудолюбивых хозяев.

Не уступает в этом отношении и внутреннее убранство дома немецкого колониста. *Комната была довольно большая, чисто выбеленная, светлая в два окна; в простенке между ними висело большое стенное зеркало в старой резной рамке и портреты старика Вильгельма, Бисмарка в юности и новейшая фотография Вильгельма II; направо высилась громадная двуспальная кровать с пологом, до самого верху загроможденная периной и подушками. На спинке кровати, обращенной к дверям, была прибита дощечка с узорной надписью, обозначающей день свадьбы и возраст хозяйина и хозяйки в этот день. Налево стоял мягкий диван, перед ним стол, покрытый вязаной скатертью; на столе — большая лампа, вокруг несколько мягких кресел и стульев. Объемистый комод и часы с кукушкой дополняли меблировку комнаты* [Велицын, 1890, с. 147]. Описание домашнего интерьера и убранства демонстрирует аккуратность и чистоплотность хозяев. В их домах, помимо прочего, тепло, светло и уютно. Они трепетно и уважительно относятся к созданию семьи, глубоко чтят семейные традиции и обычаи. Более того, с не менее глубоким и искренним чувством уважения, почтения и гордости немецкие колонисты относятся к истории (пока еще!) «своей» страны и ее деятелям.

Информации (даже редких замечаний) об обычаях колонистов в «Русском вестнике» нам не встретилось, с целью реконструкции наиболее объективной картины относительно культурной составляющей жизни немцев-

колонистов в XIX веке мы вновь обратились к их воспоминаниям. Я. Дитц отмечает, что колонисты сохранили массу своеобразных, вынесенных еще из Германии, обычаев. Так, например, накануне Рождества в церкви устраивается елка, с навешанными на нее пряниками и конфетами, которые после вечерней службы раздаются детям школьного возраста. После церковной службы в частных домах всем детям, с трех лет, раздают подарки, игрушки и сладости. В дом приглашают ряженого — переодетого медведем мужчину, одетого в вывороченный овечий тулуп. Он вооружен длинным прутком и жгутом, чтобы шутя наказывать напавших за год детишек (шалости заранее сообщаются родителями). Взяв с детей обещание впредь не шалить, *Pelznickel* уходит. Вслед за ним появляется новое привидение, которое, как говорят детям, спускается с неба, называясь Христовым младенцем — *Christkindchen*. Молодая женщина, обыкновенно из своего же дома, наряжается в белое одеяние, прикрывает лицо густой вуалью и входит в комнату, держа в одной руке прут, в другой — завязанные в платочки игрушки, пряники и конфеты. Детей снова спрашивают о шалостях, наказывают слегка прутком, заставляют каждого прочесть заученную для данного случая молитву и раздают платочки с подарками. Как мы видим, Рождество является значимым праздником, в основном, для детей и характеризует колонистов, как верующих, религиозных людей» [Дитц, 1977, с. 392—393] и др. В целом в культурной жизни колонистов обнаруживается немецкая доминанта. Однако есть аспекты жизни и бытоустройства колонистов, отличные как от немецких, так и от русских реалий. Вспомним хотя бы наружный вид колоний (см. выше), свидетельствующий, на наш взгляд, о появлении во второй половине XIX века первых признаков формирования субкультуры «русских» (впоследствии — российских) немцев, закономерно возникающей посредством культурного обмена и «вхождения» в русскоязычное окружение. Такие условия рано или поздно вынуждают интегрироваться.

3.3. В «Русском вестнике» относительно языковых предпочтений и коммуникативной практики колонистов встретились лишь единичные замечания: *не понимай русски; когда я спросил по-русски, взгляд женщины загорелся враждебным огоньком. Затем я повторил свой вопрос по-немецки, тогда уже глаза смотрели ласково* [Велицын, 1890, с. 145—148]. В книге Я. Дитца соответствующей информации мы не обнаружили. Фраза *не понимай русски* представляет собой типичную ошибку иностранцев, которая заключается в неразличении грамматических форм слова и неспособности нормативного русского формообразования / словоизменения. Данный виртуальный респондент не знает личные окончания

глаголов, смешивает наречные и прилагательные признаки языковой единицы.

Вполне возможен тот факт, что приведенный выше фрагмент (*Когда я спросил по-русски, взгляд женщины загорелся враждебным огоньком. Затем я повторил свой вопрос по-немецки, тогда уже глаза смотрели ласково*) свидетельствует о неблагоприятном отношении немцев к русской этнолингвокультуре. Очевидно, природа такого отношения экстралингвистическая: социально-политические аспекты миграции немцев в Россию. Сделать подобное предположение позволяет детальное изучение Манифеста Екатерины II: далеко не все, обещанное правительством России немцам-колонистам в случае их переезда (льготы в различных сферах жизнедеятельности, свободный выбор рода занятий и др.), было исполнено на практике.

Сам факт наличия у немцев-колонистов в коммуникативных актах актуализации фраз на русском языке позволяет говорить о владении (пусть минимальном, «фрагментарном») русским языком как иностранным при безусловной немецкоязычной доминанте.

4. Выводы: «капсульный» тип

речеповеденческой модели немца в России XIX века

Таким образом, представленный материал и наблюдения позволяют заключить, что, во-первых, немецкая этнолингвокультурная доминанта обнаруживается во всех сферах жизнедеятельности немецкого колониста в XIX веке; во-вторых, образ «русского» немца на этот период представляет собой тип германской нации; в-третьих, тип его мышления и восприятия окружающей действительности «капсульный», следовательно, в целом пространство диаспоры «закрытое / капсульное».

Литература

1. Велицын А. А. Немецкое завоевание на Юге России / А. А. Велицын // Русский Вестник. — 1890 (январь). — С. 142—174.
2. Данилова Ю. Ю. Определение этнонима как способ этнической (само) идентификации российских/русских немцев / Ю. Ю. Данилова, Д. А. Салимова, Д. Т. Алмагамбетова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 12. — Ч. 1. — С. 74—78.
3. Дитц Я. Е. История поволжских немцев-колонистов / Я. Е. Дитц. — Москва : Готика. — 1997. — 496 с.
4. Коптякова Е. Е. Образ Германии в российской и американской медиа-картинах мира : стереотипы и метафоры : диссертация ... кандидата филологических наук [Электронный ресурс] / Е. Е. Коптякова. — 2009. — Режим доступа : <https://vk.com/>

away.php?to=http%3A%2F%2Fwww.dissercat.com%2Fcontent%2Fobraz-germanii-v-rossiiskoi-i-amerikanskoi-media-kartinakh-mira-stereotipy-i-metafory&cc_key.

5. *Манифест* 4 декабря 1762 года // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. — Санкт-Петербург : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — Т. XVI., 28 июня 1762—1765 гг. — С. 313—316.

6. *Русский ассоциативный словарь* : в 2 томах / авт.-сост. Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. — Москва : АСТ-Астрель, 2002 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://vk.com/away.php?to=http%3A%2F%2Fwww.thesaurus.ru%2Fdict%2Fdict.php&cc_key.

7. *Русское национальное жилище* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/678655>.

8. *Цветаев Д. В.* Обрусение иноземцев-протестантов в Московском государстве / Д. В. Цветаев // *Русский Вестник*. — 1886 (август). — С. 534—546.

9. *Шарапов С. Ф.* По черноморскому побережью / С. Ф. Шарапов // *Русский Вестник*. — 1895 (март). — С. 68—70.

10. *Шевелина Г. А.* Исторический экскурс проблемы миграции немцев в Россию XVII—XVIII вв. : Манифест Екатерины II / Г. А. Шевелина // *Российские немцы : вопросы языка, культуры и самоидентификации : сборник статей*. — Казань : Школа, 2016. — С. 37—42.

11. *Экскурсии по нижней Саксонии* : поселок Бад Цвишенан [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://horizontwenzel.de/DE/Bad_Zwischenahn/.

Ethno-Cultural (Self-)identity of German Colonists in Russia in the Second Half of the 19th Century: on Material of “Russkiy Vestnik” Magazine¹

© **Danilova Yuliya Yuryevna** (2017), orcid.org/0000-0003-0004-5885, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian Language and Literature, Yelabuga Institute of Kazan Federal University (Yelabuga, Russia), danilovaespu@mail.ru.

© **Shevelina Galina Aleksandrovna** (2017), 5th-year student, Faculty of Philology and History, Yelabuga Institute of Kazan Federal University (Yelabuga, Russia), shevelina.galina@mail.ru.

The conditions (extra-linguistic and, as a consequence, language) and ways of forming the original ethnolinguistic culture “Russian Germans” are revealed. The authors believe that it comprises “the culture of the host country” and “home culture” different from each other, and occurs through cultural exchange and “occurrence” in Russian-speaking environment. A prerequisite to the formulation of the question is a special assessment of bilingualism and bicultural organization, which is not reducible to considering them as “the linguistic and cultural areal” of the titular nation, which is put in conditions that force

1 The work is conducted within the project of RHSF 15-04-00011a “Language and culture of Russian Germans in migration: problems of self-presentation and identity”.

to integrate. Source of information were the texts of special articles (as well as little notes, comments) by historians, government officials, auditors, journalists, writers, etc. about the life of the German colonists in Russia, published on the pages of Russian literary and political journal of the second half of the 19th century "Russkiy Vestnik." Texts touch upon phenomena such as life, education, manner of dress, food and work culture, holidays, preservation of the original traditions of the native country after moving. Analysis of magazine discourse aims to characterize the degree of sustainability of tradition with the change of cultural-language environment (experience gained in "the old" Homeland and migrated to "the new" place of existence), ethno-cultural combination dominant of personality and type of diaspora ("capsular" and/or "open") of "Russian Germans" in Russia in the 19th century.

Key words: Russian Germans; German colonies of Russia of the 2nd half of 19th century; migration; ethnolinguistic culture; ethno-cultural combination dominant; "capsular" space of diaspora; open space of diaspora.

References

- Danilova, Yu. Yu., Salimova, D. A., Almagambetova, D. T. 2016. Opredeleniye etnonima kak sposob etnicheskoy (samo)identifikatsii rossiyskikh / russkikh nemtsev. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 12 (1): 74—78. (In Russ.).
- Ditts, Ya. E. 1997. *Istoriya povolzhskikh nemtsev-kolonistov*. Moskva: Gotika. (In Russ.).
- Ekskursii po nizhney Saksonii: poselok Bad Tsvishenan*. Available at: https://horizont-wenzel.de/DE/Bad_Zwischenahn/. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N., Cherkasova, G. A., Ufimtseva, N. V., Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F. (eds.). 2002. *Russkiy assotsiativnyy slovar'*. Moskva: AST-Astrel. Available at: https://vk.com/away.php?to=http%3A%2F%2Fwww.tesaurus.ru%2Fdict%2Fdict.php&cc_key. (In Russ.).
- Koptyakova, E. E. 2009. *Obraz Germanii v rossiyskoy i amerikanskoy media-kartinakh mira: stereotipy i metafory*: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk. Available at: https://vk.com/away.php?to=http%3A%2F%2Fwww.dissercat.com%2Fcontent%2Fobraz-germanii-v-rossiiskoi-i-amerikanskoi-media-kartinakh-mira-stereotipy-i-metafory&cc_key. (In Russ.).
- Manifest 4 dekabrya 1762 goda. In: *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda*. Sankt-Peterburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830. XVI: 313—316. (In Russ.).
- Russkoye natsionalnoe zhilishche*. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/678655>. (In Russ.).
- Sharapov, S. F. 1895. Po chernomorskomu poberezhyyu. *Russkiy Vestnik*, mart: 68—70. (In Russ.).
- Shevelina, G. A. 2016. Istoricheskiy ekskurs problemy migratsii nemtsev v Rossiiu XVII—XVIII vv.: Manifest Ekateriny II. In: *Rossiyskiye nemtsy: voprosy yazyka, kultury i samoidentifikatsii*. Kazan': Shkola. 37—42. (In Russ.).
- Tsvetaev, D. V. 1886. Obruseniye inozemtsev-protestantov v Moskovskom gosudarstve. *Russkiy Vestnik*, avgust: 534—546. (In Russ.).
- Velitsyn, A. A. 1890 Nemetskoye zavoyevaniye na Yuge Rossii. *Russkiy Vestnik*, yanvar': 142—174. (In Russ.).